

ПИСЬМО О. Н. ЧЕРНОСВИТОВОЙ Т. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Публикация М. М. Павловой

Публикуемое письмо принадлежит Ольге Николаевне Черносвитовой (урожд. Чеботаревской; 1872—1943), в семье которой провел последние годы жизни выдающийся поэт-символист Федор Сологуб. Со времени болезни и трагической гибели жены писателя, Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб, Ольга Николаевна добровольно взяла на себя заботы о Федоре Кузьмиче, проявляя к нему исключительное внимание и искреннее сочувствие. Во время предсмертной болезни Сологуба О. Н. Черносвитова вела тетрадь, куда записывала свои беседы с ним, с его слов она составила ценную биографическую справку, переписала некоторые из бумаг, ныне находящиеся в архиве Сологуба (ф. 289).

В письме Черносвитовой сестре Татьяне¹ содержится подробная история передачи архива писателя в Рукописный отдел Пушкинского Дома, дана высокая оценка как самому хранилищу, так и работе его научных сотрудников. Помимо этих сведений Ольга Николаевна хорошо передает атмосферу дома, в котором довелось прожить Сологубу несколько лет; ее рассказ вносит также дополнительные штрихи к облику писателя, творчества и биография которого в настоящее время недостаточно изучены.

Текст письма печатается по рукописи (ИРАИ, Поступление № 16 за 1988 г.). Допущенные в начале и в конце текста сокращения содержат факты, непосредственно касающиеся только семьи Черносвитовых.

¹ В семье Чеботаревских было три брата и четыре сестры: Александра, Татьяна, Анастасия и Ольга.

Дорогая Танюша!

Вчера отправила тебе открытку, а сегодня хочу чиркнуть неск^олько слов. Давно не имею от тебя сведений ни прямо, ни косвенно, как прежде через Ф^едора К^узьмича, которому ты писала. Сама тоже не писала, как всегда, когда неважно живет... Ко всему постоянная мысль о Ф^едоре К^узьмиче, я и не думала, что так тоскливо без него мне будет. Помимо соображений общего характера, не хватает его как друга, который все эти годы неизменно был так доброжелателен ко мне, так вникал во все мои дела, делишки и интересы. Чем дальше отходило время от его кончины,¹ тем больше вспоминалось из прошлого, хорошего, милого с его стороны. Очень долго работали мы над его перепиской и вообще бумагами, бывшими у меня наверху. Все разобрали, привели в порядок (с Дм^итрием Мих^айловичем Пинесом), одних писем оказалось около 3 1/2 тысяч. Составили всему точнейшие списки, также и всем мелким предметам из кабинета Ф^едора К^узьмича, которые брали наверх, и все это передали с соблюдением полной формальности в Пушк^инский Дом. Сношения с ним приходилось вести через Модзалевского, и за это время я вполне убедилась, что этот милый, ласковый и любезный человек до фанатизма предан литературе и собиранию ее архивов и памятников. Ни о какой компенсации материальной не могло быть и речи, п^отому ч^то Пушк^инский Дом и не в состоянии был бы такую предоставить, да и не уместно это, а в смысле ценности и сохранности это лучшее место для хранения. Я обещала Модзалевскому, что я и ты непременно придем в Пушк^инский Дом и дополним кое-какие сведения о карточках и проч^ем, ему переданных. К несчастью, как, может быть, ты читала в газетах, Б. Л. Модзалевский недели 3 тому назад заболел припадком грудн^ой жабы и на днях скончался. Это был один из самых больших знатоков Пушкина, много работавший для издания его переписки, организации дома и т. д., и в последние годы присоединивший к Пушкину и др^угих писателей вплоть до Блока. Все архивы также хранятся у него в образцовом порядке. Для приемки всего этого приезжал от него научн^ый сотрудник — Ник^олай Вас^ильевич Измайлов, тоже в высшей степени культурный и симпатичный, заведующий архивом. Переписка Ф^едора К^узьмича вся подложена по алфавиту, т. е. в том порядке, которого он сам всегда держался в своем архиве рукописей и в библиотеке. Переписка большей частью делового характера, устройство лекций по всей России, издатели, редакторы, по частным объявлениям (целые годы — о переписчицах, натурщицах, домах, дачах), и ко-

нечно много также от товарищей по перу (Мережковские, Андреев, Блок и т. д.) — не особенно интересно, т. е. не так интересно, как можно было бы ожидать, потом большое количество от читателей и почитателей обоего пола, и наконец от родных. Переписку с Настей я не дала пока совсем, а все письма просмотрены: близкие — мной, а более далекие — Пинесом и мной (более поверхностно мною). Та же работа проделана с письмами Насти, их оказалось тоже около 2000, они в полном порядке находятся у меня, причем близкие письма отложены. Есть письма от литераторов, причем к Насте они интереснее, пожалуй, так как более жизненны, там у Федора Кузьмича всегда носят характер холодноватого преклонения. Думаю, что разберу еще и рукописный ее архив и тогда, посоветовавшись с тобой, тоже можно отдать на хранение в Пушкинский Дом с условием, чтобы в ближайшие столько-то лет они никому не выдавались, кроме нас, поместивших туда эти рукописи, но во всяком случае эти дорогие бумаги дома хранить не безопасно — могут пропасть, могут быть отобраны при шальном случае и т. д. Когда увидимся — поговорим.

Что же касается нижних вещей и архива,² то все затормозилось, не знаю, то ли от финотдела, то ли за болезнью Модзалевского. Не знаю, благодаря ли моему письму к Ачуначарскому³ или просто так, но дело это имело такие перипетии. Накануне своего припадка В. А. Модзалевский как раз мне звонил и говорил, что дело обстояло так. Сначала пришла телеграмма от Анатолия Васильевича Ачуначарского, чтобы не распылать архива Федора Кузьмича. Потом Пушкинский Дом вошел в соглашение с представителями Наркомпроса (кажется и от Главнауки), что обстановка комнат Федора Кузьмича не будет продаваться Собесом, а вся по истечении законного срока передается на хранение Пушкинскому Дому, туда же передается на хранение и наиболее ценное — нижний архив рукописей. Теперь Пушкинский Дом, зная, что на некоторые вещи претендовала я, хотел на другой день прислать мне сотрудника с официальным письмом, в котором бы собирался передоверить и просить меня принять на хранение те вещи, которые я хотела. Все отпало вследствие внезапной болезни Бориса Львовича, случившейся тогда же, и на другой день его уже не было на работе. На Пасхальной неделе они все же хотят вывозить вещи, не знаю, что теперь будет без Бориса Львовича Модзалевского. Хотелось бы знать, как ты думаешь, Танюша, когда Пушкинский Дом получит на хранение до истечения законного срока, т. е. в 6 месяцев, следует ли еще куда-нибудь что-либо заявлять или довольно того письма Анатолия Васильевича Ачуначарского, которое ты пересылала. Не слыхала ли ты каких-либо указаний на этот счет,

когда бывала там в Главнауке у секретаря? Буду ждать твоего мнения. <...>

Составляю кое-какие заметки о Федоре Кузьмиче (хотя работаю слабо). А тебе очень бы советовала написать о его летах в Эстляндии все, что помнишь. Ну вот подробно о нас написала, напиши и ты о себе, если не приедешь. <...>

Оля.

¹ Ф. Сологуб скончался 5 декабря 1927 г.

² С 1922 по 1927 г. писатель жил по адресу: Ждановская набережная, д. 3/1, кв. 22. На четвертом этаже в этом же доме жили Черносвитовы, к ним и переехал Сологуб во время болезни (из квартиры во втором этаже). «Нижний архив», т. е. вещи и бумаги, находившиеся в квартире второго этажа.

³ Брат А. В. Луначарского, Платон Васильевич, был женат на сестре мужа Ольги Николаевны, Н. Н. Черносвитова — Татьяне Николаевне (во втором браке Смидович — ее мужем стал П. Г. Смидович, брат В. В. Вересаева).